

ДИСКУССИИ НАЧАЛА 1930-х гг. В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ХРИСТИАНСТВА*

История советской исторической науки является одной из наиболее популярных тем в рамках постсоветской российской историографии, что, безусловно, связано с важностью данного периода для становления современного исторического знания, унаследовавшего от своего «предшественника» как конкретно-исторические и теоретико-методологические сюжеты, так и «кадровый потенциал». Именно поэтому весьма банальная истина о невозможности построения будущего без опоры на прошлое приобретает для отечественных историков особую важность. Значительной методологической новацией для отечественных историографов последних двух десятилетий стал отказ от рассмотрения данной дисциплины как суммы концепций по той или иной проблематике¹. Запоздалый отход от структуралистской парадигмы, в которую может быть вписан марксизм, актуализировал личность историка, открывая тем самым антропологическое и социологическое измерение историографического процесса². Произошел, своего рода, отказ от классической научной рациональности, в рамках которой жестко противопоставлялись объект и субъект познания³. Напротив, широкое распространение получили представления о конвенциональной природе научного познания, где каждая «истина» — результат «переговоров» между учеными. Именно эта идея лежит в основании когнитивной социологии, поставившей в центр своего внимания когнитивные коммуникации между исследователями⁴. Исходя из сказанного, особое значение для специалиста-историографа приобретает изучение способов взаимодействия между учеными, среди которых на первое место, пожалуй, можно поставить дискуссию⁵.

---

* Работа проводилась при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям, государственный контракт 02.740.11.0350.

Как жанр когнитивной коммуникации дискуссия представляет собой обмен мнениями между учеными по отдельному вопросу, с целью достижения консенсуса. Это один из способов установления «правил игры», которые, в свою очередь, диктуются теми, кто обладает достаточным научным капиталом⁶. В целом, мы разделяем точку зрения Н.В. Соловьевой, предложившей следующую типологию научных дискуссий: дискуссии «позитивные» как основанные на толерантном речевом взаимодействии, в которых «достигается продвижение в обсуждении проблемы, вырабатывается совместное решение, достигается синтез концепций и вырабатывается принципиально новое конструктивное решение»; и «идеологически ориентированные», когда идеи оппонента оцениваются с идеологических позиций⁷. Однако, думается, стоит скорректировать представление о «позитивной» дискуссии, т.к. в предложенном варианте перед нами предстает «чистая наука», свободная от вненаучных факторов, что, между тем, не вполне справедливо. Выдвигая в качестве главного критерия различия типы речевых коммуникаций, Н.В. Соловьева забывает, однако, о цели дискуссий – это достижение консенсуса при учете преобладающего влияния нескольких участников – что совпадает в обоих случаях, изменяются, скорее, методы. Кроме того, дискуссии второго типа также будут иметь целью выработать точку зрения по тому или иному вопросу⁸. Таковы те положения, которые будут рассматриваться нами как базисные при изучении интересующего нас материала.

Конец 1920 – начало 1930-х гг. рассматривается в отечественной исторической науке в качестве переломного момента, когда с относительной либерализацией периода «нэпа» было покончено, а в стране был взят курс на ускоренное построение социализма. Для науки указанный период оказался рубежным как с точки зрения институциональной, так и методологической. В первом случае развернулись «чистки» дореволюционных ученых, сопровождавшиеся притоком новых «большевистских» кадров, во втором – состоялся переход к марксизму как монопарадигме⁹, что затронуло все области науки. Однако, если провести коммунистическую молодежь в руководство наукой не представляло серьезных трудностей, то создать «марксистскую науку» было гораздо сложнее, т.к. «готового» марксистского подхода ко всем областям и научным проблемам просто не было создано. Как справедливо

отмечает А. Дмитриев, в 1920-е гг. мы сталкиваемся лишь с «пустотным марксистским каноном», заполняемым отдельными исследователями весьма вариативно¹⁰. Более того, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не получили статус «классиков», чьи выводы являются обязательными для использования и цитирования. Так, применительно к изучению первохристианства как «специфически марксистский» в 1920-е гг. предстает только принцип изучения религии как отражения общественных отношений той или иной эпохи, а ссылки на «классиков» крайне редки¹¹, т.к. популярностью пользуются идеи социал-демократа К. Каутского¹² и представителей мифологической школы¹³.

Однако к началу 1930-х гг. перед научными работниками встала другая задача: выработать «единственно верный» подход к той или иной научной проблеме на основе «правильного» прочтения трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. Именно поэтому, начиная с осени 1930 г. во всех институтах Коммунистической академии начнутся широкие дискуссии, к участию в которых были привлечены широкие слои «новой генерации» ученых. В сферу нашего внимания попадает один из эпизодов данной широкомасштабной работы, а именно: дискуссия 1930–1931 гг. в Антирелигиозной секции Института философии Коммунистической академии, посвященная проблеме возникновения христианства. Необходимо отметить, что ранее данный сюжет не подвергался серьезному изучению отечественными исследователями, лишь вскользь упоминаясь в отдельных работах¹⁴. Между тем, его значение сложно переоценить: именно данная дискуссия заложила основы советской модели изучения первоначального христианства, под которой мы предлагаем понимать «каркас» из основных идей и положений относительно первоначального христианства, выработанных на основе марксистской методологии и разделяемых большинством исследователей в определенный период времени.

Исходя из сказанного выше, не вызывает удивления, что в центре внимания участников интересующей нас дискуссии была проблема методологии, тесно связанная с «правильным» прочтением трудов «классиков», в первую очередь, Ф. Энгельса, которому принадлежали три работы по вопросу о возникновении христианской религии¹⁵. Собственно исторический материал находился преимущественно вне поля зрения исследователей, представляя

собой, своего рода, иллюстрацию к социологическим упражнениям в области формационной теории, что не вызывает удивления, учитывая состав участников дискуссии, среди которых преобладали антирелигиозники, в большинстве своем не имевшие специальной подготовки в области истории¹⁶. В качестве исключения, пожалуй, можно назвать А.Б. Рановича, окончившего историко-филологический факультет Киевского университета и владевшего как древними языками, так и приемами критики источников¹⁷.

Одним из первых докладов, в котором была предпринята попытка сформулировать марксистское понимание происхождения христианской религии, стал доклад М. Енишерлова «Возникновение христианства»¹⁸, прозвучавший в Институте философии Коммунистической академии 30 декабря 1930 г. Опираясь на идеи, высказанные К. Марксом в «Капитале» и Ф. Энгельсом в ряде работ по истории христианства, М. Енишерлов предлагает подход к изучению возникновения данной религии, основным положением которого является необходимость анализа внешней среды, в которой развивалось христианство, на том основании, что для К. Маркса религия – это рефлекс окружающего мира¹⁹. Христианство, в таком случае, представляет собой «культ абстрактного человека» (Л. Фейербах), возникший в среде угнетенных слоев Римской империи, где было сильно стремление к религиозному утешению, принявшему форму веры в божество, наделяемое всеми позитивными чертами, коих нет у его создателей. Образ Иисуса – это трансформация образов умирающих и воскресающих богов, широко распространенных на Востоке, его возникновение не связано с Палестиной, где в начале новой эры были распространены иные идеи и представления, напротив, условия для его появления были в Риме, в среде люмпен-пролетариев. Таким образом, новая религия – не политическое движение, но изменение в надстроечной сфере, вобравшее в себя черты прежних культов, но трансформировавшее их исходя из изменившихся экономических условий.

Подобный «сплав» идей К. Маркса и Ф. Энгельса, дополненный риторикой против К. Каутского, вызвал весьма неоднозначные отзывы присутствующих. Фактически, против М. Енишерлова были выдвинуты следующие обвинения: в искажении той среды, в которой возникло христианство, что связано с использованием недостоверных источников (А.Б. Ранович)²⁰; в неоправ-

данном использовании слишком сложных теоретических положений, делающих выдвинутые положения непригодными для широкой пропагандистской работы (Шафиркин), что напрямую связано с неверной методологией, базирующейся на ограниченном цитированием трудов К. Маркса и Ф. Энгельса (Токарев)²¹; в отсутствии внимания к ключевым для данной темы вопросам, к примеру, о причинах столь широкого распространения христианства в пределах Римской империи (А.Т. Лукачевский)²². Таким образом, главным выводом стало утверждение о необходимости дальнейшей разработки марксистской методологии применительно к истории возникновения христианства.

Через год, в октябре 1931 г., дискуссия в Антирелигиозной секции Коммунистической академии была возобновлена, открывшись докладом А.Б. Рановича «Источники по истории социальных корней христианства»²³. Рассматриваемый позднейшей историографией в качестве заключительного, данный доклад, тем не менее, воспринимался участниками дискуссии как «первая ласточка» в серии подобных выступлений, подробно разрабатывающих источниковедческие сюжеты по раннехристианской истории²⁴, что, впрочем, не противоречит приданию ему в последствии статуса программного²⁵.

Основным тезисом А.Б. Рановича стало утверждение о необходимости «самим обратиться к источникам, критически их проверить, отобрать то, что нам нужно, сгруппировать и изучить в соответствии с нашими методологическими и принципиальными установками и лишь тогда делать те или иные конкретные выводы в развитии нашей теоретической линии»²⁶. Отталкиваясь от утверждения К. Маркса о том, что корни религии надо искать в реальных земных отношениях, А.Б. Ранович предлагает следующую классификацию источников: на первое место необходимо поставить данные папирусов и эпиграфику, с помощью которых также стоит проверить литературные источники; затем обратиться к новозаветной и апокрифической литературе; значительную важность представляют материалы апокалиптических и эсхатологических источников; кроме того, необходимо изучить прежние верования, ставшие базой для оформления христианства; вместе с тем, ни антихристианские сочинения, ни апологетика не представляют интереса для исследователя²⁷. Учитывая

столь значительный объем информации, быстро обработать который не представляется возможным, А.Б. Ранович предлагает использовать источниковедческие разработки буржуазных авторов, подвергая их соответствующей интерпретации.

В целом, данный доклад получил достаточно высокие отзывы со стороны коллег, однако в ходе дискуссии были высказаны и серьезные замечания, затрагивавшие преимущественно вопросы методологии. А.Б. Рановича упрекали в неумении «по-марксистски» подойти к источникам, используя правильные установки²⁸. Подробный анализ огромного количества материалов был признан излишним, требующим упорной и кропотливой работы в течение нескольких лет, тогда как было необходимо в кратчайшие сроки подготовить обобщающую работу о происхождении христианства. Далеко не все были согласны с необходимостью использовать тот материал, который был разработан учеными-богословами, подвергая его марксистской обработке. Возражения собственно по источниковедческим вопросам были представлены лишь Н.В. Румянцевым, поставившим под сомнение некоторые положения классификации А.Б. Рановича²⁹. Н.В. Румянцев соглашается с важностью эпиграфических и папирологических материалов, однако указывает на необходимость использования греко-римских авторов, которые могут дать дополнительную ценную информацию, большое значение также имеют работы иудейских авторов Филона и Иосифа. Среди собственно раннехристианских памятников на первое место стоит поставить Апокалипсис как самый древний и социально заостренный, тогда как все остальные новозаветные тексты дают крайне мало, чего нельзя сказать об апокрифах. Явно недооценены А.Б. Рановичем, по мнению Н.В. Румянцева, антихристианская литература и апологетика, представляющие значительный интерес для исследователя. Таким образом, в распоряжении ученых имеется значительное количество материалов, характеризующих социально-экономическое состояние древнего мира, чего не скажешь об источниках, в которых могла бы быть представлена «физиономия христианства»³⁰. Учитывая невозможность одному исследователю обработать такой массив литературы, Н.В. Румянцев, как и А.Б. Ранович, призывает разбиться на бригады, каждой из которых будет поручено изучение отдельного вида источников. В целом, необходимость использования

бригадного метода работы, позволившего бы в короткие сроки поставить изучение источников по истории раннего христианства на почву марксизма, стала основным выводом данного заседания³¹.

В ноябре 1931 г. в рамках данной дискуссии было сделано два доклада, один из которых затрагивал историю возникновения христианства в Римской империи, другой – был посвящен сугубо методологическим вопросам³². Так, автор первого В.В. Соловьев, ранее широко участвовавший в прениях, на заседании Социологической секции Института истории Комкадемии, предложил свою версию возникновения христианства. Он отмечал, что период Империи – это время экономического расцвета Римского государства, когда вся сила и могущество были сосредоточены в руках купеческого капитала, чьи интересы выражала императорская власть, а уже с I в. началось формирование феодализма³³. Однако ко II в., по мере роста мелкой буржуазии и разорения ремесленников, все отчетливее стали проявляться признаки кризиса системы. Христианство – это продукт поражения иудейских восстаний, когда, не имея возможности найти выход из своего бедственного положения на земле, иудеи обратили свои взоры на небо, что не удивительно, учитывая степень распространенности культов божественных искупителей. Окончательно христианская идеология оформляется в начале II в., в евангелиях, возникших как отражение интересов мелкой буржуазии, пролетариата и разочаровавшихся представителей аристократии³⁴.

Оппонентами В.В. Соловьева были высказаны следующие возражения: во-первых, методологического характера, связанные с ревизией докладчиком выводов Ф. Энгельса, что заключалось в приписывании «классику» взгляда на христианство как революционную силу, способную совершить переворот на земле (М. Енишерлов, Н.В. Токин, Муравьев); во-вторых, относительно восприятия Соловьевым Римской империи вне рабовладельческой формации (Н.В. Токин, Муравьев); в-третьих, в изучении социального состава раннехристианских общин, где преобладали отнюдь не представители мелкой буржуазии (М. Енишерлов, Н.В. Токин, Муравьев). Пожалуй, наиболее серьезной была критика именно в рамках первого раздела, т.к. автор позволил себе усомниться в истинности слов Ф. Энгельса, отмечая, что «отдельные положения, отдельные фразы... вызывают большое недоумение»³⁵. В.В. Соловьев был

обвинен в сближении Ф. Энгельса с К. Каутским и соглашательстве с позицией последнего.

Однако, пожалуй, более важным стал доклад Н.В. Токина, критиковавшего К. Каутского и сравнивавшего его положения, с идеями Ф. Энгельса, «моделируя», таким образом, авторитет Ф. Энгельса³⁶. Именно в докладе Н.В. Токина прозвучала идея, ставшая отражением политической обстановки, связанной с публикацией И.В. Сталиным статьи в журнале «Пролетарская революция»³⁷, о необходимости решительно дать отпор всем ревизионистским тенденциям. Н.В. Токин стремится представить «сумму» выводов Ф. Энгельса, а именно: христианство не является революционным течением, оно появилось в диаспоре как утешение для угнетенных масс, которые понимаются крайне широко³⁸. Именно в данных пунктах К. Каутский ревизовал Ф. Энгельса. Любопытно, что если мы сравним предложенную советскими антирелигиозниками трактовку с текстом самого Ф. Энгельса, то мы ревизионистами придется признать именно советских исследователей, перенесших время и место происхождения христианства, а также затушевавших параллели между данной религией и социализмом, приводимые Ф. Энгельсом³⁹.

Высказанные докладчиком положения, не вызвали сколько-нибудь серьезных возражений среди слушателей, напротив, неоднократно звучало требование о необходимости заканчивать дискуссию, т.к. основные марксистские положения установлены и обсуждать их больше нет смысла, нужно лишь давать решительный отпор всяким ревизионистским настроениям⁴⁰.

Таким образом, в ходе дискуссий по вопросу о происхождении христианства были заложены основы будущей модели изучения первоначального христианства, а именно: был «смоделирован авторитет» Ф. Энгельса и, соответственно, даны основные методологические установки; предложена классификация источников, важных для изучения данной темы; наконец, указаны основные направления конкретно-исторического исследования. В дальнейшем, к концу 1930-х гг. данная модель обрела свою законченную, классическую форму. Схематично данный процесс может быть представлен следующим образом. Полученные в ходе данной дискуссии установки были применены антирелигиозниками (Н. Токин, В. Недельский, В. Дулов, А. Покровский, Н. Румянцев) к конкретному историческому материалу, тем самым пре-

вращая общую социологическую схему в историческую теорию⁴¹. Однако они не смогли подкрепить свои построения достаточным количеством фактов, более того, сами схемы, возникающие не в последнюю очередь под влиянием конъюнктуры, грешили серьезными изъянами. Так, работа В. Недельского, ставившего происхождение христианства в зависимость от поражения рабских революций древности, возникла под влиянием речи И.В. Сталина на съезде колхозников-ударников⁴². Именно поэтому после 1936 г., когда процессы «культурной революции» сошли на нет, коммунистические научные центры были закрыты, а «красные профессора» сами стали подвергаться репрессиям, разработкой проблемы происхождения христианства стали заниматься более подготовленные ученые, в частности А.Б. Ранович, в работах которого и была сформулирована советская модель происхождения христианства⁴³. Вышеприведенная нами схема возникновения советской модели имеет известное сходство с разработкой концепций древневосточного рабовладельческого общества и феодализма на Руси. А.А. Формозов⁴⁴ и А.М. Дубровский⁴⁵ убедительно показали, что не В.В. Струве и Б.Д. Греков выдвинули вошедшие в науку положения, а руководители ГАИМК того времени, А.Г. Пригожин и М.М. Цвибак, представили историкам некоторые схемы, которые те наполнили конкретным содержанием.

Основные положения советской модели происхождения христианства могут быть сведены к следующим:

1. Точно определить время появления новой религии нельзя, в качестве приблизительной даты советские авторы указывали середину I в. н.э.;

2. Христианство возникло в среде рабов и вольноотпущенников, разоренных свободных как отражение общего кризиса Римской империи: социально-экономического, политического и духовного;

3. Христианство появилось в Малой Азии, евангельская традиция, указывающая на возникновение христианства в Палестине – неизбежная фикция, связанная с ветхозаветными пророчествами;

4. Христианство – синкретичная религия, оно вобрало в себя элементы восточных культов, широко распространившихся к I в. на территории Римской империи, иудаизма, античной философии Сенеки и Филона Александрийского. Но перед нами не просто

комбинация существующих элементов, христианство содержало в себе новые идеи, обеспечившие ему победу над религиями–соперниками, в частности над культом Митры;

5. На основании свидетельств новозаветной литературы изучать историю первохристианства нельзя потому, что все произведения новозаветного канона, за исключением Апокалипсиса, были созданы в самом конце I – второй половине II в. Особенно не заслуживают доверия Евангелия, авторы которых, не зная реальной обстановки в Палестине в описываемое время, допускают множество ошибок. Помимо этого, евангельские рассказы содержат множество чудес, избавляться от которых в методологическом плане не верно – так можно любой миф превратить в реальность. Нехристианские авторы I в. не дают информации о происхождении христианства, причем сообщения Флавия, Тацита признаются интерполяциями. Только на основании Апокалипсиса можно говорить о характере первохристианства;

6. Христианство в античности прошло эволюцию от религии эксплуатируемых классов к религии эксплуататоров. Первохристианство – самый бунтарский период в истории этой религии, связанный с ожиданием скорого пришествия Христа, последующего суда и установления царства божия на земле;

7. При определенном сходстве социализма и христианства их нельзя отождествлять. Социализм призывает на борьбу за свои права, а христианство, напротив, заставляет примириться с существующим положением вещей, обещая воздаяние в иной жизни. В этом и состоит реакционная сущность христианской религии.

В своем «классическом» виде советская модель происхождения христианства бытовала до конца 1950-х гг., когда под воздействием процессов либерализации, широкого развернувшихся в СССР в период «оттепели», стало возможным критиковать отдельные, наиболее идеологически ангажированные положения модели. Данный процесс продолжался вплоть до конца 1980-х гг. В 1990-е гг., несмотря на существенные изменения, произошедшие в отечественной науке, затронувшие как концептуальную, так и институциональную стороны, советская модель происхождения христианства продолжает использоваться исследователями, переходя в режим «ограниченного функционирования».

¹ Нечкина М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки: Историография истории СССР: Сб. ст. М.: Наука, 1965. С. 12; Сахаров А.М. Методология истории и историография (статьи и выступления). М.: МГУ, 1981. С. 151 и др. Общую характеристику модели построения историографического исследования, выполненного в подобном жанре, дал И.А. Зевелев. См.: Зевелев И.А. Историографическое исследование. М.: Высшая школа, 1987.

² Подробнее о данных процессах см.: Копосов Н.Е. Почему стареет Клио? // Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 120–141.

³ См., напр.: Грицанов История философии: энциклопедия. Минск: Книжный Дом, 2002. С. 115; Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания: Учебник. М.: Гардарики, 2005. С. 279; Швырев В.С. Особенности современного типа рациональности // Актуальные проблемы философии науки. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 55–56.

⁴ Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект, 2008. С. 393.

⁵ Р. Коллинз рассматривает дискуссии в качестве одного из видов интерактивных ритуалов «лицом к лицу», без которых «написание текстов и сами идеи никогда бы не были заряжены эмоциональной энергией». См.: Коллинз Р. Социология философии. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 75.

⁶ В данном случае мы используем понятие научного капитала в том, смысле, какой был предложен П. Бурдьё. См.: Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2005. С. 479.

⁷ Соловьева Н.В. Стратегии презентации коммуникантов в текстах научных дискуссий // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 1. С. 30.

⁸ В качестве иллюстрации можно привести следующий пример: на прениях по докладу В.В. Соловьева, Летунова заявил, что он «сюда пришел вырабатывать точку зрения». См.: АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 96. Л. 52.

⁹ Подробнее о сталинской «культурной революции» и ее влиянии на науку см.: Колчинский Э.И. «Культурная революция» и становление советской науки // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / Ред.- сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 577–664.

¹⁰ Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920 – 1930-х гг.: западный контекст и советские обстоятельства // НЛО. 2007. №88. С. 21.

¹¹ Из изданных в 1920-е гг. работ по данной теме мы можем назвать статью В.С. Рожицына. См.: Рожицын В.С. К. Маркс и Ф. Энгельс о раннем христианстве // Антирелигиозник. 1927. № 12. С. 13–18.

¹² Каутский К. Происхождение христианства / Предисл. Д. Рязанова. М.; Ростов-н/Д: Прибой, 1923.

¹³ Среди переводных работ, принадлежавших перу мифологистов, стоит отметить следующие: Дреус А. Внеевангельские свидетельства об Иисусе // Атеист. 1930. №54. С. 72–84; Дреус А. Отрицание историчности Иисуса в прошлом и настоящем. М.: Атеист, 1930; Дреус А. Происхождение христианства из гностицизма / Предисл. В.С. Рожицына. М.: Безбожник, 1930; Кушу П. Проблема Иисуса // Атеист. 1929. № 44. С.; Кушу П. Загадка Иисуса. Рязань: Атеист, 1930; Мутье-Руссэ Э. История и география в Евангелиях // Атеист. 1926. № 12. С. 26–37. Робертсон Дж. Евангельские мифы. М.: Атеист, 1923. Наиболее значительным популяризатором идей указанных авторов являлся Н.В. Румянцев. См., напр.: Румянцев Н.В. Мифологическая школа по вопросу о существовании Христа // Антирелигиозник. 1926. № 12. С. 9–32.

¹⁴ См., напр.: Шаляева Ю. В. Советская историография истории раннего христианства: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск: ТГУ, 1997. С. 14.

¹⁵ Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 19. С. 306–314; Энгельс Ф. Книга откровения // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т.21. С. 7–13; Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 22. С. 465–492.

¹⁶ Большинство сотрудников Антирелигиозной секции Института философии Коммунистической академии имели весьма скромное образование, так, Н.П. Токин окончил учительскую семинарию в г. Волжске и уже после революции поступил на педагогический факультет Саратовского государственного университета (См.: АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 317. Л. 26; Ф. 359. Оп. 3. Д. 47. Л. 105), а В.В. Летунов занимался самообразованием, которое можно считать равным по объему высшему образованию (См.: АРАН. Ф. 355. Оп. 9. Д. 35. Л. 27).

¹⁷ Некролог // ВДИ. 1948. № 3. С. 136.

¹⁸ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 105.

¹⁹ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 105. Л. 1.

²⁰ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 105. Л. 26.

²¹ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 105. Л. 30–34.

²² АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 105. Л. 42.

²³ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 160. Данный доклад был опубликован: Ранович А.Б. Источники по изучению социальных корней христианства (переработанная стенограмма доклада и заключительного слова в Комакадемии 20–31 октября 1931 г.) // Воинствующий атеизм. М., 1931. № 12. С. 165–181; Ранович А.Б. Источники по изучению социальных корней христианства // Ранович А.Б. О раннем христианстве. М.: АН СССР, 1959. С. 41 – 68.

²⁴ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 160. Л. 55, 59–60.

²⁵ В пользу данного утверждения говорят не только публикации доклада, но и публикация А.Б. Рановичем документов по истории возникновения христианства. См.: Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Материалы и документы. М.: ГАИЗ, 1933. В 1935 г. был издан дополнительный том: Ранович А.Б. Античные критики христианства. (Фрагменты из Лукиана, Цельса, Порфирия и др.). М.: ГАИЗ, 1935.

²⁶ Ранович А.Б. Источники... С. 52.

²⁷ Там же. С. 53–61.

²⁸ Интересны замечания Глана, неоднократно повторявшего, что отличное владение древними языками и умение читать источники «а ливр увер» еще не являются гарантией успешного марксистского исследования по истории возникновения христианства. См.: АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 160. Л. 74–75.

²⁹ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 160. Л. 60–69.

³⁰ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 160. Л. 67.

³¹ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 160. Л. 122–123.

³² АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 96; АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 169.

³³ АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 96. Л. 10–25.

³⁴ АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 96. Л. 31–33.

³⁵ АРАН. Ф. 359. Оп. 2. Д. 96. Л. 3.

³⁶ Данный доклад стал одним из многих появившихся впоследствии статей и докладов, в которых взгляды К. Каутского подвергались резкой критике. См., напр.: АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 538; АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 396; АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 141; АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 140; АРАН. Ф. 355. Оп. 4. Д. 206;

³⁷ Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма // Сталин В.И. Сочинения: В 16 т. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 84–102.

³⁸ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 169. Л. 1.

³⁹ Энгельс Ф. Книга... С. 8; Энгельс Ф. К истории первоначального христианства... С. 465.

⁴⁰ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 169. Л. 61–62.

⁴¹ Дулов В., Недельский В., Покровский А. Происхождение христианства. М.: ОГИЗ, 1931; Токин Н. Происхождение христианства. М.: Молодая гвардия, 1931; Недельский В.И. Революция рабов и происхождение христианства. М.-Л.: АН СССР, 1936; Румянцев Н. Происхождение христианства // Антирелигиозник. 1937. № 9. С. 28–36.

⁴² Сталин И.В. Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников – ударников 19 февраля 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения: В 16 т. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. Июль 1930 г. – январь 1934 г. С. 236–256. О влиянии данной речи на изучение древнего мира советскими авторами см.: Крих С.Б. «Революция рабов» в советской историографии 30-х гг. XX в. // Социальные институты в истории: Ретроспекция и реальность: Мат. VIII межвузовской региональной научной конференции. Омск: ОмГУ, 2005. С. 38–46.

⁴³ Ранович А.Б. Происхождение христианства (доклад) // Антирелигиозник. 1939. №1. С. 17–25; Ранович А.Б. Очерк истории раннехристианской церкви. М.: ОГИЗ, 1941.

⁴⁴ Формозов А.А. ГАИМК как центр советской исторической мысли в 1932–1934 гг. // Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. 2-е изд. М.: Знак, 2006. С. 162–184.

⁴⁵ Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.) Брянск: Издательство Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, 2005. С. 206–217.